

КРИМИНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Хомич Владимир Михайлович

*профессор кафедры судебной деятельности учреждения образования
«Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников
прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного
университета», профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
факультета права учреждения образования «Белорусский государственный
экономический университет»,
профессор, доктор юридических наук
ul.khomich@tut.by*

1. Сегодня криминология однозначно констатирует, что социально-криминогенные риски в современных социальных системах в значительной степени обусловлены деструктивным, ситуационно-хаотическим расширением принуждающих методов регулирования общественных отношений. Посему правовое пространство без необходимости замещалось репрессивно-принудительным регулированием социальных отношений без уяснения их криминологического состояния и уровня опасности для нормального и безопасного существования человека и человечества. Так постепенно формировались предпосылки феномена управляемого уголовного права – допустимости управления социальными процессами посредством объявления системы запретов для субъектов социальной деятельности под угрозой уголовной ответственности, вследствие чего утрачивалась определенность и уголовно-правовая мерность преступления и наказания, а исконно правоохранительное по сути уголовное право расползается до хаотического и небезопасного состояния для человека, граждан, общества и государства.

2. Одной из серьезных в уголовно-правовой науке конца XX и начала XXI вв., вследствие этого, была и остается задача сохранения и развития классических канонов уголовного права и его истинно естественного гуманитарного предназначения в человеческом сообществе. В связи с этим, не могу сказать, что уголовно-правовая наука преуспела в этом направлении теоретически и практически. Наоборот, сегодня мы наблюдаем социальную и культурно-правовую дисгармонию в области развития фундаментальных положений науки уголовного права, уголовной и уголовно-судебной политики, перспектив и направлений развития уголовного законодательства в целях стабилизации и консолидации общества и власти на правовых основаниях социального управления и общесоциальной организации и самоорганизации общественного бытия людей (граждан) на единых подходах утверждения и поддержания цивилизованного внутригосударственного и межгосударственного правопорядка и безопасности человечества.

3. На этом фоне и появляются социальные конструкции, допускающие безграничную возможность обеспечения национальной безопасности и ее защиты посредством уголовно-правового управляемого воздействия на основе введения «новых правовых» и модернизации старых инструментов из арсенала уголовного права. В чем же причина социально-защитной нефункциональности традиционно правовых подходов уголовного права и уголовно-правовой науки относительно выхода из той конфликтно-эскалирующей социальной ситуации, которую нельзя признать нормальной и которая небезопасна для человека и человечества независимо от того, какой политико-правовой системой на сегодня она обусловлена. Что же случилось с человечеством, которое, несмотря на громадный технологический цивилизационный прогресс, утратило, к сожалению, социально-культурную и общеправовую мерность в оценке социального зла и его источников.

4. Смею предположить, что отчасти это произошло и продолжает быть вследствие того, что объективное право, будучи относительно бесконтрольным со стороны общества, постепенно растворялось в предметной безсубъектности и абстрактности социальной коммуникации, поскольку в ней реальные правовые отношения не ставили человека в качестве главной и приоритетной ценности и цели цивилизационного развития политико-организованных общественных систем. Посему криминологическая и уголовно-правовая наука постоянно, но без особых новаций пребывает в поиске истины и гармонии в уголовном праве – в преступлении и наказании. Попытки объяснить эти деструктивные и эскалирующие насилие процессы в общественных и политических системах борьбой за демократические принципы, права и свободы человека сегодня выглядит, по крайней мере, неубедительно (если не более). Отчетливо заметно, что все политико-организованные общества устремились к тотальному властно-олигархическому доминированию, вовлекая в эти процессы огромные массы людей, все более теряющихся в свободе выбора под воздействием новых и старых идеологий защиты национальной государственности и ее безопасности. Не избежало подобной деструктивности и право, в том числе и уголовное право.

5. Современные государства и его властно-элитарные институты испытывают дефицит социального одобрения, а посему легитимация социальных и политических функций и принимаемых властью решений перед обществом и гражданами находится в состоянии перманентных социальных рисков и необходимости их снятия или нейтрализации. Это не так просто, поскольку при нынешней эскалирующей ситуации и разбалансированности социальных интересов в государственной, правовой, да и в судебно-правовой политике, снятие социально опасных рисков и социальных конфликтов, продолжает ориентироваться не на убеждение правдой и согласованность, а на систему властепринуждения, включая инструментарий

(средства) уголовного права. Отсюда, тревожность за счастливое социально-правовое и безопасное будущее, которое все более откладывается и поэтому становится серьезным криминогенным фактором, существенно активизирует преступную среду и соответствующую криминальную мотивацию индивидуального и корпоративного отклоняющегося поведения в социальных системах и подсистемах управления современными обществами (экономической, политической, информационной, правоустанавливающей и т. д.). Происходит криминализация и деаксиологизация общественного сознания. На сегодня это и есть главная политико-правовая проблема, которая присутствует сегодня во всех научных дискурсах относительно кризисного состояния современной онтологии уголовного права, уголовно-правовой, уголовно-судебной политики и социально-правовой практики обращения с уголовным законом, понятием преступления, назначением наказания и развивающегося стремления использовать инструменты уголовно-правового воздействия в системах социального управления [1].

6. Здесь мы соприкасаемся с непростой задачей и для современной доктрины уголовного права, и для текущей уголовно-правовой и судебно-уголовной политики – перманентно, с учетом складывающихся социально-исторических условий постигать истинно правовое предназначение уголовного права, искать и постоянно интегрировать в уголовное право, в преступление и наказание, в систему уголовно-правовых средств обеспечения безопасности правовые позиции защиты человека, общества и государства (государства, создаваемого и защищаемого обществом).

Мы должны исходить из объективной возможности достижения рационального-сбалансированного сочетания социально-культурной гармонии человека и его социального бытия с требованиями правопорядка, организуемого и обеспечиваемого публично-сформированными институтами общества при минимальном использовании уголовно-правовых средств для обеспечения социальной бесконфликтности развития политико-организованных социальных систем человеческого обитания и общежития. Но это достижимо только при условии решения на перманентной основе государством и обществом следующих социально-экономических и политических задач:

серьезного и приоритетно ответственного отношения власти (государства) к поступательно-гарантированному и справедливо сбалансированному повышению уровня жизни собственных граждан;

наличия действительной и свободно реализуемой политической праводеееспособности граждан определять, контролировать, изменять и легитимировать политические институты государственной власти и в конституционно-судебном порядке оспаривать ее решения по методу взвешивания интересов – нахождения правильного баланса между человеком и обществом, – который должен стать фирменным знаком качества права и правового регулирования, касаться всех отраслей права – будь то частное или публичное право,

характеризоваться обязательностью установления баланса между частным и публичным, между человеком и всем обществом, между правами человека и потребностями общественного мира и безопасности обостряться [2, с. 100];

утверждение в деятельности судебных и правоохранительных органов принципа их процессуально-правовой независимости от законодательной и исполнительной властей в разрешении социально-правовых конфликтов и правовых споров [3, с. 491–499].

7. Думаю, что возражать против этого никто не станет. Но возникает вопрос, почему это не было сделано, и новая социальная реальность предстает перед нами в столь разбалансированном правовом состоянии, почему право утратило содержательную функциональность приоритетного отстаивания и защиты общегуманитарных ценностей в развитии современных общественных и государственных систем.

Современная трансформация данной нам социально-правовой реальности бытия уголовного права (и не только уголовного права) уже не просто неадекватна сформированному социумом смыслом и требованиям, по которым определяется сфера преступного и непроступного, социально разумного и социально деструктивного. Кроме того, большинство настроено на то, чтобы подстроить возникающие в уголовном праве проблемы на приемлемые по образцу «благополучные» рамки. Но, к сожалению, ничего конструктивного по этому вектору совершенствования уголовного права и правовых систем как на национальном, так и международном уровне не происходит, а социальные риски криминогенного характера динамично расширяются по всем сегментам правового регулирования [4, с. 35–36].

Потребность в поиске последовательной интеграции права в уголовное право преступления и наказания, равно как и в систему уголовно-правового контроля преступности, социально-правового осмысления происходящих и необходимых изменений в содержательно-функциональных свойствах современного отечественного уголовного права существовала всегда. Но в условиях глобальных социальных трансформаций экономических и политических систем, происходящих в XXI в., до беспредела разрушающих привычные социально-правовые устои безопасного сосуществования человечества, реакция уголовного права на эти опасности преступного характера стала уподобляться в качестве первейшего и основного инструментария в противодействия традиционной и новой преступности по стандартам управляемого администрирования. Так не должно быть...

8. На сегодня это одна из фундаментальных проблем, связанных с социально неоправданным и разбалансированным, а также явно завышенным социальным предназначением сферы применения уголовного права. Стремление расширить границы применения и использования уголовно-правовых средств для решения чуть ли не всех значимых общественных проблем без должной общесоциальной правовой легитимации

систем правового установления и регулирования соответствующих социальных систем организации общества и государства ведет к отчуждению большинства членов общества от позитивного права, формируемого государством, и пока к непонятным и внутренне противоречивым изменениям в структуре современной преступности, которая все более становится публично и властно ориентированной и разрушающей единство общества и институций (в том числе правовых) государственной власти.

9. Социально-правовое переосмысление и изменение оценочной парадигмы признания соответствующих деяний правомерными или правонарушающими (преступными и не преступными) и не только в контексте обоснования применения мер наказания, но и с учетом права человека на безопасность и право государства на ее обеспечение возможно только на основе введения криминологического контроля за публичным правообразованием. Это одна из серьезнейших и сложных правовых конструкций, в которой допустимо использование уголовно-правового принуждения на основе контролируемого социального управления системой обеспечения общественной безопасности. Особая сложность здесь связана с определением критериев оценки правовой мерности (законности) применения мер безопасности, причиняющих тяжкий вред человеку (лишение жизни, причинение вреда здоровью), в целях устранения угрозы жизнеутверждающим ценностям человеческого существования, нависшей над государствами, обществами, над отдельными людьми или группами людей. Вопрос заключается в том, совместима ли указанная система мер безопасности, допускающая причинение такого вреда людям при таком целеполагании ее применения, с системой уголовного права или правовые основания и процедуры, гарантирующие и правоустанавливающие правовой стандарт их применения следует исключить из ведения уголовного права.

Устраняясь от излишней рациональности, выход видится в интегративном поиске единого права противодействия преступности на принципах универсального обеспечения безопасности и его поиск сводится к разрешению сложного и вечно изменяющегося диалектического противоречия между человеческой свободой, правом на самосохранение посредством самозащиты и правом государства на применение мер безопасности как чрезвычайного обстоятельства, исключающего уголовную противоправность.

Список цитированных источников

1. Уголовно-правовые средства государственного социального управления: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 8 апреля 2022 г. / РАНХиГС при Президенте РФ; редкол: д-р юрид. наук, проф. В. С. Джатиев (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : Юрид. центр, 2023. – 295 с.
2. Шустров, Д. Конституционная революция и возникновение принципа пропорциональности в конституционном праве Израиля / Д. Шустров // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 1 (104). – С. 92–116.

3. Хомич, В. М. О социальной сущности права и уголовной противоправности в системе уголовного права и уголовного правосудия / В. М. Хомич // Белорусское правосудие: исторический опыт и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Верхов. Суда Респ. Беларусь, Минск, 15 февр. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол. : Л. Л. Голубева (гл. ред.), С. А. Калинин, О. Н. Романова. – Минск: БГУ, 2023. – С. 491–499.

4. Бабаев, М. М. Очерки криминальной рискологии / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 366 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Чуешов Кирилл Викторович

*начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр
проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
okmzispp_npc@prokuratura.gov.by*

Персональные данные представляют собой нематериальный актив, имеющий значимую социально-экономическую ценность [1]. Вместе с тем они могут использоваться в противоправных целях, в частности, в рамках мошеннических действий. Основным инструментарием получения информации, относящейся к персональным данным, в настоящее время являются методы социальной инженерии.

Несмотря на то, что белорусский законодатель оперирует понятием «социальная инженерия», его легальное определение отсутствует.

В научной литературе сущность социальной инженерии чаще всего соотносится с методами и (или) способами:

несанкционированного доступа к информационным ресурсам, основанного на особенностях психологии человека [2, с. 33];

контроля за поведением человека, выраженного в достижении выполнения им определенных действий, сообщении персональной или конфиденциальной информации, которая позволяет получить незаконный доступ к чужому имуществу [3, с. 12];

манипулирования людьми с целью получения конфиденциальной информации [4, с. 51–52];

управления действиями человека без использования технических средств, основанными на использовании слабостей человеческого фактора [5, с. 43].

Отдельными учеными при исследовании социальной инженерии как научной дисциплины указывается на нередкие идеологические спекуляции данным термином, когда последний трактуется в значении: